

Софья Палеолог и проблема ренессансного влияния в русской культуре в конце XV-начале XVI в.

Татьяна Матасова

1. Введение

Начиная с 1470-х гг. ренессансное влияние проявилось в России во многих сферах: не только в архитектуре, где оно было, пожалуй, наиболее заметно, но и в книжности, изобразительном искусстве (во фресках, иконах, книжной миниатюре), некоторых других сферах. Разумеется, в России достижения Возрождения не были восприняты во всем их многоцветии и полноте, но отдельные элементы мира Ренессанса активно проникали в пространство русской культуры и использовались в Московской Руси для достижения целей, актуальных для государства и общества. Именно поэтому не вполне верен тезис о том, что в Россию был принесен Ренессанс: стоит говорить, скорее, *об отдельных отзвуках культуры Возрождения*, принятых и переработанных – порой до неузнаваемости! – русской культурой. Исключительно важно и то, что многие значимые для Московской Руси идеи были сформулированы в полемике с Ренессансом и латинской культурой. Кажется важным специально рассмотреть вопрос о том, какое отношение к этому большому процессу рецепции ренессансной традиции – со всеми его особенностями и противоречиями – имела Софья Палеолог (рубеж 1440-х–1450-х гг.–1503), вторая супруга великого князя Ивана III (1440/1462–1505), прибывшая в Москву из Рима в ноябре 1472 г. в окружении многих греков.

Tatiana Matasova, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation, tamatt2009@gmail.com, 0000-0002-9433-5068

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Татьяна Матасова, *Софья Палеолог и проблема ренессансного влияния в русской культуре в конце XV-начале XVI в.*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0893-2.05, in Marcello Garzaniti, Ovanes Akopyan, Iris Karafillidis, Francesca Romoli (edited by), *In dialogo con l'Occidente: Rinascimento e renovatio nella Russia del Cinquecento / В диалоге с Западом: возрождение и религиозное обновление в России XVI века*, pp. 47-68, 2025, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0893-2, DOI 10.36253/979-12-215-0893-2

2. Концепция Н.М. Карамзина о придворной активности Софьи

Мнение о серьезной личной роли Софьи в политической и культурной жизни России (в том числе в деле приглашения итальянских мастеров и вообще в распространении «итальянского влияния» в последние десятилетия XV–начале XVI в.) высказал в начале XIX в. Н.М. Карамзин (1766-1826). Именно с его легкой руки за Софьей прочно закрепились такие характеристики, как «красивая женщина», «любящая жена» и «мудрая советчица» Ивана III, помнившая о своем славном происхождении и имевшая непосредственное отношение к целому ряду положительных изменений в Русском государстве. Среди них – прекращение зависимости от Орды, расширение контактов с Европой, привлечение итальянских мастеров в Москву, появление нового герба – русского двуглавого орла (Карамзин 1819, 58, 64, 71-72, 99).¹ Как видим, это мнение восходит к самому началу становления исторического знания о русском Средневековье и долгое время казалось незыблемым. «Колумб древнерусской

¹ По поводу внешности Софьи имеются противоречивые данные. Н.М. Карамзин не знал о том, что современник Софьи, Луиджи Пульчи оставил весьма нелицеприятное описание облика Софьи как неприятной дамы с лишним весом. Широко известны его слова: «Мы вошли в комнату, где торжественно восседала эта жирная масленица, и, уверяю тебя, ей было на чем воссесть... Два турецких литавра на груди, отвратительный подбородок, лицо вспухшее, пара свиных щек, шея, ушедшая в эти литавры. Два глаза, стоящие четырех, с такими бровями и с таким количеством жира и сала кругом, что никогда еще реку По не запруживала лучшая плотина. И не думай, что ноги ее походили на ноги Юлия Постника... Я не знаю, видел ли ты когда-нибудь вещь, столь жирную и маслянистую, столь обрюзглую и мясистую и наконец столь смешную, как эта странная *befania*...» (Pulci 1886, 113-15; Пирлинг 1892, 58-9). Тем не менее – и о этом тоже не знал Н.М. Карамзин – в *Истории Болоньи* выдающегося болонского хрониста XVI в. Керубино Гирардаччи Софья представлена как девушка необычайной красоты: «Ella portava indosso un mantello di broccato d'oro foderato di armellino di grossissime perle con una gioia nel braccio sinistro di grandissimo valore. Ella era di piccola statura et di età di 24 anni et di carne bianca, bella di faccia e di bellissimi occhi» («Она носила расшитый золотом парчовый плащ, подбитый мехом горносталя, с огромными жемчужинами и невероятным ценным украшением на левом рукаве. Она было невысокого роста, двадцати четырех лет, белокожая, с красивым лицом и очень красивыми глазами», Ghirardacci 1912, 212). Составляя свое произведение, К. Гирардаччи опирался на более ранние свидетельства (в т.ч. на болонские хроники начала XVI в.), запечатлевшие память о приезде Софьи (Vespignani 2017, 80-2). Примечательно, что Кларисса Орсини, присутствовавшая на обручении Софьи в Ватикане, не колеблясь называла ее «весьма красивой» (Пирлинг 1892, 60). Что касается символики двуглавого орла, то стоит обратить внимание не только на ставшие уже классическими корректировки мнения Н.М. Карамзина, сделанные в работах В. Кучкина и М. Агоштон (Кучкин 1999; Агоштон 2005), но и на новейшую работу Е. Пчелова, представляющую новый взгляд на эту символику. Е. Пчелов блестяще показал, что «мастер печати 1497 г. принадлежал к флорентийско-римской художественной традиции и, возможно, к школе А. дель Поллайоло или других флорентийских мастеров, работавших при папском дворе в Риме. Поэтому наиболее вероятным создателем печати следует признать римского мастера Христофора» (Пчелов 2024).

истории»,² считавший, что «самодержавие есть палладиум России» (Карамзин 1991, 105), пересказал главное содержание известных ему Никоновской летописи и Степенной книги – памятников, не современных жизни Софьи, но составленных позднее, в 1520-е – 1550-е гг. и которые являются «программными» произведениями российского самодержавия. В этих текстах образу Софьи действительно уделено значительное внимание (гораздо большее, чем ей уделяли летописцы во время ее жизни). В этих источниках она представлена как важное звено в истории рода московских Рюриковичей, но – если взглянуть в свидетельства источников внимательнее – совсем не как самостоятельная политическая фигура, влияющая на культуру и идеологию (Матасова 2023б).

Так, в *Степенной книге* (а также в позднем, Шумиловском списке *Никоновской летописи*) содержится рассказ о том, как Софья отправилась в паломничество в Троицкий монастырь, чтобы помолиться о даровании долгожданного сына у мощей прп. Сергия Радонежского († 1392). У села Клементьева, находившегося неподалеку от обители (сегодня территория этого села находится в черте города Сергиев Посад), Софье явился прп. Сергий, державший в руках ребенка и вложивший его «в недра великой княгине» (ПСРА 1913, 555; ПСРА 2000б, 190-191). Через год Софья родила долгожданного наследника – будущего Василия III (1479/1505-1533). Казалось бы, включение этой истории в Степенную книгу должно было свидетельствовать об особой миссии Софьи,³ однако логика составителей памятника оказалась совершенно иной. Княгиня представлена лишь объектом в семейной истории московских правителей, рождение которых связано с чудесными событиями и предзнаменованиями. По справедливому мнению А. Усачева, рассказ о чудесном зачатии Василия III является частью масштабной задумки автора Степенной книги, в которой присутствует целый ряд рассказов о чудесном зачатии и рождении нескольких русских правителей. Так подчеркивалась мысль об особом статусе потомков князя Владимира Святого (Усачев 2009, 629). В центре внимания оказывается, таким образом, вовсе не сама Софья как личность или символическая фигура, а род московских государей. В этой связи уместно вспомнить о том, что рассказ об этом чуде вошел и в Лицевой летописный свод – «главную книгу Ивана Грозного» (Амосов 1998, 11). Учитывая справедливый тезис В. Морозова о том, что в Лицевом своде «история страны... обретает форму *Жития* царского рода» (Морозов 2005, 258), очевидно, что особая

² А.С. Пушкин писал: «Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом» (Пушкин 1978, 49-50).

³ Именно этот эпизод Изольда Тирет считает ключевым в складывании представления о «благословенном чреве» русских государынь (Thuret 2001, 16, 27-28, 174). Кажется уместным немного поправить исследовательницу: рассказ о богомолье Софьи действительно сыграл в становлении этих идей большую роль, не как отражение реальности 1478 г., а как отражение осмысления событий 1478 г. в грозненскую эпоху.

роль Софьи, по мнению книжников Ивана Грозного, состоит в служении династии: на ней через прп. Сергия Господь явил чудо и даровал наследника – отца первого русского царя. В своем фундаментальном исследовании В. Морозов привел эту статью как пример «образов идеализации героев повествования» (Морозов 2005, 151), причем идеализируется здесь в первую очередь Василий III, и только через его историю – Софья Палеолог: великая княгиня не находится в центре рассказа, выступая лишь орудием Божьего промысла в отношении продолжения рода московских правителей. Именно поэтому соответствующая статья *Степенной книги*, использованная составителями *Лицевого свода*, названа *О чудесном зачатии и рождении великого князя Василия Иоанновича всея Руси самодержжца*, а не, скажем, «чудо о Софье Палеолог».

Важная роль Софьи в судьбе династии, которую стремились подчеркнуть книжники Ивана Грозного, со всей яркостью проявлена в известии о смерти великой княгини из *Степенной книги*: оно представляет собой краткую статью панегирического характера, прославляющую «благосочетанную супружницу князя Ивана Васильевича» как добрую и многочадную мать. В лучших традициях христианской литературы Софья уподоблена «лозе благоплодной», родившей и воспитавшей богобоязненных сыновей и дочерей, представлена как скромная и благочестивая жена (ПСРА 1913, 576). Ни о какой ее преобразовательной деятельности – явной или скрытой – не сказано.

Как видим, Карамзин поставил знак равенства между действительно присутствующей в источниках XVI в. мыслью о значимости Софьи для династии, для государевой семьи (как супруги и матери) и тезисом о большом влиянии Софьи на государя. Для Карамзина – человека екатерининской эпохи – не было ничего удивительного в том, что женщина могла оказывать колоссальное влияние на политическую жизнь и даже определять ее, увлекаться западными идеями, быть в курсе главных трендов в области философии и государственного управления. Для Карамзина Софья была почти Екатериной Великой XV века: активной политической деятельницей, проводницей передовых идей и достижений, мудрой правительницей, перед которой историк преклонялся.

3. Оценка Софьи П. Пирлингом и вопрос о том, насколько была обеспечена дочь Фомы Палеолога

Иные аргументы в пользу большого влияния Софьи, в т.ч. в деле привлечения мастеров и вообще в знакомстве с Западом, приводит П. Пирлинг (1840–1922) – выдающийся историк-иезуит, исключительно много сделавший для реконструкции биографии Софьи. Он считал Софью Палеолог ключевой героиней русской истории своего времени – вслед за кардиналом Виссарионом и другими деятелями латинского мира – ведь именно на нее были возложены задачи пропаганды «римской веры» в России и привлечения Ивана III к участию в антигурацкой борьбе (Пирлинг 1892, 120, 130, 158 и

др.). Софья виделась Пирлингу желанным и естественным символом и проводником западного влияния в России (и насчет огромной символической роли Софьи Пирлинг совершенно прав, см. Матасова 2020а, 306-07). В этом отношении показательно, что, говоря о знаменитой фреске из Санто-Спирито-ин-Сассиа, где изображена вымышленная сцена благословения папой Сикстом IV Софьи и Ивана III (Чарыков 1909). Пирлинг пишет, что папа передает Софье мешочек с шестью тысячами дукатов (Пирлинг 1892, 67). Пирлинг считает, что именно Софье, по мысли папы, принадлежит деятельная инициатива влияния на государя в «римском» духе, и этот посыл должен был быть обеспечен материально. Однако если мы взглядем на изображение из Санто-Спирито, мы легко увидим, что Пирлинг выдает желаемое за действительное: Сикст IV передает мешочек с дукатами не Софье, а Ивану III, и это далеко не случайно. Именно на активные действия великого князя (а не Софьи) папа рассчитывал как в деле приобщения России к унии, так и в борьбе с султаном. И, по всей видимости, эти деньги Софье не достались: они попали, как и было задумано, в государеву казну, и ими распорядился Иван III. Именно так это отразилось в Лицевом летописном своде. На колоритной миниатюре, где представлена передача дукатов Ивану III, Софья вообще не изображена (ЛЛС 2014, 428). Это вполне соответствует известиям одного из главных источников Лицевого свода – Никоновской летописи, а изначально восходит к известиям более раннего великокняжеского Московского свода конца XV в.⁴ Для московских книжников и конца XV, и XVI в. Софья была символом взаимодействия России с «Великим Римом» (ПСРА 2004, 300) и вообще с Западом, но никак не фигурой, действительно осуществлявшей эти связи. За них были ответственны прибывшие с Софьей греки, которые, впрочем, вовсе не составляли какого-то особого, личного двора Софьи (как часто по умолчанию принято их характеризовать). По прибытии в Россию они переходили на службу к Ивану III и уже в статусе *ego* слуг выполняли самые разнообразные поручения, о чем свидетельствуют как данные летописей, так и памятники агнографии.⁵

⁴ «Въ утрии [после венчания Ивана III и Софьи, состоявшегося 12 ноября 1472 г.] тотъ лягатос [Антоний] посольство от папы правил и поминки подал князю великому, тако же и Дмитрей Грек от шуры великого князя, от Андрея и Мануила» (ПСРА 2004, 299; ПСРА 2000б, 150; и многие другие).

⁵ Источники называют «боярами великой княгини» лишь Траханиотов, причем только старших – Юрия и Дмитрия (ДРВ 1790, 4-5; Разрядная книга 1966, 16). Можно ли из общих сообщений считать частью двора Софьи братьев Ралевых, представителей кланов Ангеловых и Ласкиревых, – большой вопрос. Так, о Ласкиревых сообщается вполне определенно: в 1496 г. они приехали «к великому князю служить (курсив мой. – Т. М.)» (ПСРА 1959, 289), что они с успехом и делали. Те же сведения – о службе именно князю, а не княгине, – встречаем в известиях о приезде Ивана Ралева в 1485 г. (ПСРА 2000а, 216; ПСРА 2000б, 216). В *Житии прп. Кассиана Учемского* (до пострига – князя Константина Мангупского, прибывшего с Софьей в Москву в 1472 г.), сказано, что приехавшие с Софьей греки «биша челом великому князю в службу, и тех государь пожаловал» (*Жития* 2008, 120). См. очень подробно (Матасова 2023а).

Важно отметить, что источники красноречиво свидетельствуют о том, что у Софьи почти не было ресурсов, которыми она могла свободно распоряжаться и на которые она могла бы содержать двор. Мы почти не знаем ничего о ее земельных владениях в России, а ведь социально-политическое влияние в ту пору во многом было невозможно без наличия устойчивой материальной базы. Известно много весьма влиятельных и богатых аристократок русского средневековья (в том числе свекровь Софьи – великая княгиня Мария Ярославна (Корзинин 2020), вдова Дмитрия Донского Евдокия Дмитриевна (прп. Ефросиния Московская), боярыня Мария Голтяева и др.), но Софья совсем не вписывается в этот ряд. Как можно заметить, свое подлинное влияние на государственные дела, обеспеченное довольно серьезными владениями, княгини обретали вместе с печальным статусом вдов, получая по духовным грамотам своих мужей весьма внушительные имущества (Конявская 2020; Конявская 2021). Софье же, умершей двумя годами ранее Ивана III, побыть в статусе вдовы было не суждено. Сохранившиеся же предметы из ее приданого (ныне хранятся в Музеях Московского Кремля) представляют собой преимущественно небольшие по размеру и не слишком дорогие иконы, имевшие, впрочем, серьезное духовное значение (Матасова 2016б, 128-136). Даже те драгоценности, которые Софья считала своими (как «наследница» первой жены великого князя Марии Борисовны), в действительности ей могли и не принадлежать. Характерна знаменитая история о том, как Софья подарила своей племяннице Марии вещи из приданого Марии Борисовны и какой гнев Ивана III это вызвало. Летописец говорит прямо: «много истеряла казны великого князя, давала бо брату, иное же давала за своею племянницею...» (ПСРЛ 2001, 318). Разумеется, она получала определенный доход с отдельных владений (в частности, известно, что в 1490 г. ее тиун (сборщик налогов) сидел в весьма богатом городе – Устюге Великом (АСЭИ 1964, 298)), но этого, очевидно, было недостаточно, чтобы содержать сколько-нибудь пышный двор.

Нельзя не подчеркнуть, что никакой библиотеки византийских императоров Софья с собой в Москву не привезла. Пристальное рассмотрение обстоятельств бегства семьи Фомы Палеолога с Пелопоннеса обнаруживает, что это была на редкость трагическая история (Матасова 2021б). Фома бежал с Корфу в Рим, по сообщению *Хроники* Георгия Сфрандзи, «на легких корфиотских судах» (Сфрандзи 1987, 233), что никак не предполагало перевозки какой-либо внушительной библиотеки (или значительного числа других ценностей). Фома стремился спасти свою жизнь и жизни членов своей семьи, и это была задача-максимум. Показательно, что о какой бы то ни было книжной гуманистической деятельности Софьи (копирование или заказ рукописей, переводы каких-то памятников) неизвестно. Не обнаружено ни одного ее автографа. От ее имени были написаны три письма в Литву дочери Елене (СИРИО 1882, 241, 275-76, 279-80), но они сохранились в списках конца XV в. и, несомненно, являлись, в первую очередь плодом деятельности рождавшегося Посольского приказа (Корзинин 2023, 480-89), а не личным эпистолярным наследием Софьи. Есть веские основания

полагать, что сама Софья – в отличие от близких ей греков, широкая переводческая деятельность которых хорошо известна – была весьма далека от *studia humanitatis* (Матасова 2020а, 303-10).

Словом, убежденность весьма именитых и уважаемых авторов прошлого в огромной роли Софьи в Москве (в том числе в деле привлечения мастеров и трансляции ренессансной традиции) стоит признать ошибочной.⁶ В источниках, восходящих ко времени жизни Софьи, представлена иная картина.

4. Образование и воспитание Софьи

По всей видимости, наставник Софьи кардинал Виссарион тоже не предполагал, что она станет выдающейся и деятельной фигурой, а видел в ней важнейший инструмент связи Рима и Востока, а также борьбы с османской агрессией. Размышляя над положенной ей программой занятий, он, по-видимому, исходил из принятых тогда в Италии представлений об идеальной женской роли в обществе. Женское образование должно было способствовать их сугубо семейному служению, утверждению пассивной роли в социуме, тогда как активную роль должны были играть мужчины. Т. Рябова справедливо замечает:

Приветствуя интеллектуальное развитие женщины, большинство гуманистов [первой половины XV в. – Т.М.] негативно относилось к перспективе ее участия в публичной сфере, будь то политика или гуманистические занятия, поскольку это не соответствовало ее главному предназначению», которое состояло в том, чтобы «заботиться о хозяйстве, быть устроительницей дома, отвечать за мир и согласие в семье, производить на свет и воспитывать наследников для мужа» (Рябова 2007, 651-652).⁷

Подобные настроения замечательно сформулировал выдающийся итальянский гуманист Леонардо Бруни в первой половине XV столетия:

Зачем женщине учиться всем тонкостям риторики, если она ни разу не была на форуме, и ей не придется там быть?» (Gibson 1989, 12).

⁶ К сожалению, из этих тезисов до сих пор исходят некоторые современные исследователи. Так, Л. Слуцки в своей весьма интересной по замыслу работе, к сожалению, осталась в плену этих убеждений (Sloutsky 2019). Автор утверждает, что Софья была «ключевым проводником византийской культуры в Москве XV в.», «ее правление до сих пор считается одним из наиболее заметно реформаторских в истории России» (Sloutsky 2019, 280, 285), однако никаких доказательств этих тезисов не приведено. Автору стоит посоветовать больше учитывать современную историографию о Софье Палеолог, а не опираться на устаревшие выводы. Впрочем, стоит согласиться с автором в мысли о том, что Софья привезла с собой некоторые действительно символически значимые предметы. Мысль эта, впрочем, далеко не нова.

⁷ Т. Рябова справедливо отмечает, что представления о значимости роли женщин в обществе, их «внесемейном» служении появляются не ранее 1480-х гг. и получают некоторое распространение в XVI в., однако они так и не стали господствующими (Рябова 2007, 653-654). О женском образовании в XV в. см. также (Lenzi 1982; Рябова 1991).

Отметим, что в Византии ситуация была еще более интересной: по наблюдениям М. Поляковской,

роль женщин в церемониях XIV в. стала еще менее заметной, чем даже (...) в XV, хотя и тогда придворное общество было замкнутым пространством с явным мужским приоритетом» (Поляковская 2011, 148).

Именно поэтому считалось, что женщинам нужно преподавать грамматику и не преподавать риторiku: призванная убеждать собеседников риторика воспринималась искусством, служившим практическим задачам государственной и общественной деятельности, до которой женщин целенаправленно старались не допустить. Показательно в этом отношении, что Анна Французская (1461–1522) – ярчайшая фигура европейской истории, старшая дочь Людовика XI, принимавшая одно время серьезное участие в управлении государством, – в 1504 г. наставляла дочь Сюзанну не в духе самореализации во власти и/или публичной жизни, а в духе следования евангельскому учению. Идеалы, на которые опирались воспитатели, таким образом, лежали в совершенно иной плоскости. Анна Французская учила дочь быть скромной и послушной женой и матерью, милосердным, благочестивым, сострадательным человеком. По мнению Анны, мудрость, приходящая с образованием, нужна женщине не для государственного управления, а для служения мужу, воспитания детей и спасения души (Крылова 2014, 95–97). Сходные идеи выражены и в знаменитой *Книге поучений дочерям* Жоффруа де Ла Тура Ландри (Крылова 2014, 184, 203, 210–28, 255 и др.), которая до конца XV в. была широко распространена в списках, а потом не раз переиздавалась в ренессансной Европе (Крылова 2014, 265–78, 321–32, 375 и др.). Именно в этом тексте отражен своего рода идеальный женский образ.

Несомненно, эти представления не означали, что аристократок старались полностью оградить от ораторского искусства или смежных дисциплин: широко известны примеры исключительно образованных придворных дам Европы и Византии рассматриваемого времени, блестяще владевших красноречием и вообще умением подать себя при дворе.⁸ Тем не менее, в случае с Софьей есть основания усомниться в получении ею (и ее братьями) глубокого и систематического образования, которым обыкновенно отличались представители византийского правящего дома: в тяжелых условиях эмиграции, крайней жизненной неопределенности, эпидемий, стесненности в средствах (Матасова 2021б). Фома Палеолог едва ли мог организовать образование своих детей с традиционной для

⁸ Так, в итальянском мире эпохи Ренессанса Изабелла д'Эсте, Вероника Гамбара, Виктория Колонна, Чечилия Галлерани и некоторые другие женщины писали стихи и были весьма уточненными дамами, активно участвовавшими в жизни двора (Matter, and Coakley 1994; Рябова 1999; Pizzagalli 2015). В придворных кругах Византии также «высоко ценилась образованность женщины и ее умение вести себя в обществе» (Поляковская 2011, 141).

византийской аристократии полнотой и основательностью. Наставника уровня блистательного Димитрия Кидониса, который был учителем Елены Кантакузины (1333-1396), супруги Иоанна V Палеолога и выдающейся представительницы интеллектуального пространства Византии своего времени (Поляковская 2011, 142), у Софьи не было. Разумеется, Виссарион был крайне заинтересован в ее будущем и, несомненно, определял «генеральную линию» ее жизни в Риме, в том числе круг чтения (в который, несомненно, входили и памятники христианской литературы, и вероятно, что-то из античного наследия). И все же кардинал не проводил с ней все свое время и тем более не имел отношения к ее образованию до прибытия детей Фомы Палеолога в Вечный город.⁹

Но как же тогда объяснить ренессансное влияние в архитектуре, книжности и некоторых других сферах, несомненно, имевшее место в России, если не личной деятельностью Софьи?

Представляется, что существенную роль сыграла здесь сама организация брака с Софьей. Стоит согласиться с протоиереем Георгием Флоровским, выразившем сходную мысль еще в конце 1930-х гг.: *сам брак* Ивана III с Софьей «привел... к сближению Московии с итальянской современностью» (Флоровский 1937, 58). И потом знакомство это продолжалось, расширяясь и углубляясь по мере развития связей Москвы с итальянскими государствами вплоть до 1527–1528 гг.¹⁰

Софья же вполне могла рассказывать Ивану III о ренессансной архитектуре, но ее слова не были решающими в привлечении мастеров. О передовом итальянском зодчестве в Москве очень хорошо знали задолго до приезда Софьи, с конца 1430-х гг., когда члены русской делегации вернулись из поездки на Ферраро-Флорентийский собор, где не только увидели чудеса ренессансного мира, но и запечатлели их в знаменитом *Хождении на Флорентийский собор* (Казакова 1970, 67-8; Garzaniti 2003). Как известно, акт о соединении церквей был подписан под сводами Санта-Мария-дель-Фьоре – «архитектурной сенсации века» (Данилова 2000, 93). То есть ренессансное влияние в русской архитектуре было связано со знакомством с миром Возрождения (и сопровождавшим его восхищением), которое состоялось гораздо раньше (Матасова 2012б, 95-101).

⁹ Как кажется, дети Фомы Палеолога по приезде в Рим не произвели на Виссариона впечатления умеющих держать себя в обществе. В знаменитом письме к воспитателю (увы, не названному по имени) детей деспота Фомы кардинал не раз подчеркивает необходимость корректировать их поведение. Например, он пишет: «Прежде всего необходимо, чтобы вы заботились об их воспитании и их нравах, чтобы они *стали* благоприличными и воспитанными, – если хотите, чтобы их здесь уважали... Пусть не заносятся, пусть будут скромны и тихи. И пусть не думают, что они отпрыски царя [Курсив мой. – Т.М.]» (Виссарион 1987, 74-75).

¹⁰ О причинах прекращения дипломатических отношений с конца 1520-х гг. см. подробно Матасова 2020г.

5. Греки-дипломаты при московском дворе

Стоит подчеркнуть, что греки, прибывшие с Софьей или приехавшие позднее, сыграли в посольствах ко дворам папы римского, венецианского дожа и миланского герцога существенную (если не сказать ключевую) роль. Нередко посольствами «во Фрязы» руководил или грек (греки), или грек и русский. Если русский лучше понимал устремления великого князя и, соответственно, задачи миссии, то грек лучше знал языки, принятый на Апеннинском полуострове церемониал, придворные настроения, словом, лучше ориентировался в итальянской действительности и оказывался подлинным проводником русской культуры в ренессансный мир, если не во всей его полноте, то в отдельных его проявлениях.

Греки участвовали во многих посольствах на Апеннинский полуостров. Так, в 1482-1484 гг. Мануил Ангелов и Иван Лисицын Фрязинов (по всей видимости, человек, как-то связанный с Иваном Фрязиным – Джан Баттистой делла Вольпе, одним из организаторов брака Ивана III с Софьей) (*Акты Ревельского архива* 1897, 3-4) ездили к папе в Рим (после чего в Литве пошли слухи о том, что «Московит [Иван III. – Т.М.] добивался от папы Сикста, чтобы его короновали», LUB 2019, 842-843),¹¹ в 1486 г. Юрий Траханиот посещал Милан, в Милане и Венеции в 1487-1490 гг. были Дмитрий и Мануил Ралева, а в 1493 г. – Мануил Ангелов и Данило Мамырев, посольство 1498-1504 гг. Мануила Ралева и Митрофана Карачарова в 1499-1500 гг. имело целью посещение Венеции и Рима (Казакова 1974, 26-8).

К сожалению, подробности пребывания греков в итальянских государствах известны в разной степени. Так, например, любопытно, что в 1488 г. Дмитрий и Мануил Ралева останавливались при церкви святого Георгия (Скржинская 2000, 155) (по-видимому, в монастыре Сан Джорджо Маджоре, поскольку известной греческой церкви Сан Джорджо деи Греци в Венеции до середины XVI в. не было, см. Ястребов 2018, 192). В 1493 г. в Милане Мануил Ангелов и Данило Мамырев очень много участвовали

¹¹ Сердечно благодарю С. Полехова за указание на это известие (см. также: Полехов 2021, 14). На мой взгляд, здесь отразилось в огромной степени надежда католического мира на унию русской церкви с Римом, а не действительные намерения Ивана III, который последовательно создавал себе образ православного государя. Надо сказать, что это не единственное западное известие, демонстрирующее в преувеличенном виде сближение России с задачами западного мира. Широко известны слова из *Дневников* венецианского сенатора Доменико Малипьеро: «Предполагается, что этот король [Иван III. – Т.М.] в скором времени направится на борьбу с турками, потому что он – зять деспота Фомы Палеолога». (Malipiero 1843, 106; Скржинская 2000, 281). Совершенно понятно, что Московская Русь, едва освободившаяся от зависимости от Орды, была не в состоянии противостоять султану, располагавшему в тот период сильнейшей армией мира, и Иван III вовсе не собирался воевать с турками. Тем не менее, надежды венецианских греков были столь сильны, что в итоге в Венеции выдавали желаемое за действительное.

в придворных празднествах, церемониях, охотах вместе с герцогом и его приближенными (Barbieri 1957; Матасова 2020б; Матасова 2021а). В 1499 г. Дмитрий Ралев и Митрофан Карачаров привезли в Венецию несколько возов, доверху наполненных северными диковинами, но главное – договорились о покупке драгоценного шейного украшения за 36 тысяч (!) дукатов (Матасова 2013; Матасова 2016б, 257-59). Участники московских посольств видели при дворах правителей Италии эпохи Возрождения разнообразные предметы, воспринимавшиеся русскими как диковины.¹² Сугубый интерес к этим вещам в России исключительно важен: материальные свидетельства о многообразии мира, приходящие с разных концов света (и из Европы, и с далекого Северо-Востока, активное освоение которого приходится как раз на это время),¹³ серьезно меняли, усложняли картину мира русских интеллектуалов, заставляли задуматься над новыми вопросами, которые подчас оказывались до известной степени близки тем, что стояли перед итальянскими гуманистами. Но они их решали, опираясь на традиционные методы познания, во главе которых стояло богословие: размышляя о мироустройстве, они стремились соотнести новые факты с библейским повествованием. Именно так были восприняты, например, подчас шокирующие «языческие» известия из Первой книги «Географии» Помпония Мелы (Матасова 2016а; Matasova 2020).

Интересно, что московские посланники и сами были своего рода экзотикой при миланском дворе Сфорца (и вообще в Италии). И они привозили с собой диковины Севера (Матасова 2012а). В регистрах герцогов Сфорца, где собраны все «входящие» письма и грамоты герцогской канцелярии, содержится – среди прочего – не только оригинал знаменитого *Донесения о России* 1486 г. «московского посла», которого справедливо ассоциируют с Юрием Траханиотом (Barbieri 1957, 90-95; Гуковский 1963, 648-655), но и копия русской грамоты 1493 г. (Матасова 2020б), которую переписал своей рукой другой грек на русской службе – посол Ивана III Мануил Ангелов. Эта грамота представляет собой один из немногих примеров текстов на иностранном языке в этом кодексе. Сам факт копирования ее оригинала в регистрах Сфорца – яркий пример живого взаимодействия русской и итальянской культур, попытка лучше узнать друг друга и, несмотря на все конфессиональные и прочие различия, понять друг друга в главном (Матасова 2020б). Примечательно и то, что перевод этой грамоты был скопирован флорентийским представителем в Милане Пьеро Гвиччардини, что, несомненно, говорит об интересе, который в разных частях Италии вызывала Россия.

¹² Например, Семен Толбузин, вернувшийся из Венеции в 1475 г. вместе с архитектором Аристотелем Фиораванти, подробно описывал удивительны для него сосуд: «блюдо же деи медено да на четырех яблоках медяных, да судно на нем яко умывалница, яко же оловяничным делом, да нача лити из него из одного воду и вино и мед, его же хотяще, то будет» (ПСРА 2001, 219).

¹³ В первую очередь, речь идет об освоении Югры (Плигузов 1993).

Именно этот взаимный интерес, отличавший как русскую, так и итальянскую стороны, имел очень серьезное (возможно, даже определяющее) значение для развития связей, в том числе для восприятия отдельных достижений Ренессанса в России. Именно в силу этого наиважнейшего обстоятельства стал возможен тот довольно краткий, но яркий диалог, в котором переплетались культурные, политические и экономические аспекты. Это был диалог, который, казалось бы, не должен был состояться в силу «несходства их жизненных путей» (что, по справедливому мнению Е. Шмурло [1937, 91], сыграло свою роль в прекращении регулярных контактов после 1528 г.).

6. Греки и московская книжная культура.

Московские политики и книжники стремились использовать уникальные навыки греков для развития тех сфер, где им это виделось уместным и необходимым. Здесь следует вспомнить переводы, осуществленные греками при дворе владыки Геннадия (в том числе для борьбы с «ересью жидовствующих»), а также в Москве. Книжная деятельность Дмитрия Траханиота в Новгороде и близость вообще Траханиотов к Геннадию,¹⁴ хорошо известна (Плигузов, и Тихонюк 1988; Ромодановская 2005). Серьезные дополнения к известной картине – о «книжной» деятельности греческой группы и даже о попытках влияния со стороны греков на московскую идеологию – внесла М. Плюханова, отмечавшая «греческий след» и целом ряде появившихся в то время оригинальных и переводных произведений, в том числе в переводе текста *Об обидах Церкви* и даже в *Послании на Узру* (Плюханова, 2010, 2011, 2014). Кажется правильным обратить внимание и на малоизвестные памятники: перевод первой книги *Географии* Помпония Мель, к которому были причастны греки (Матасова 2016а; Matasova 2020), а также перевод *Прения Афанасия с Арием*, осуществленный Мануилом Дмитриевичем Траханиотом (будущим епископом Нилом Тверским, см. Матасова, и Воробьев 2016; Матасова 2018) и клириком Благовещенского собора Федором. Уже будучи в епископском сане, Мануил-Нил написал два послания, которые обнаруживают как его широчайший кругозор, так и его знакомство с преданиями Святой Горы Афон.¹⁵

¹⁴ Стоит обратить внимание на малоизвестный, но значимый факт: «в 1483 г. Геннадий [Гонзов] заложил в Чудовом монастыре каменную церковь во имя свт. Алексия с трапезной (после назначения на Новгородскую кафедру Геннадий поручил окончить строительство братьям Юрию и Дмитрию Мануиловичам Траханиотам)» (Ромодановская 2005).

¹⁵ Речь идет о послании об артосе, адресованном некоему вельможе Георгию Дмитриевичу – Юрию Тютину или Юрию Дмитриевичу Траханиоту (Никольский 1909, 115-119), а также о послании князю Дмитровскому Юрию Ивановичу (Ржига 1928, 504-06). Этот памятник был вторично издан В. Брюсовой (Брюсова 1974, 186-87).

Брат епископа Тверского Нила – Юрий Дмитриевич Траханиот («Юшка Малой») – широко известная фигура, как прославившаяся на государственной службе, так и проявившая себя в книжной деятельности (Буланин 1989). Примечателен в этом отношении и Дмитрий Ласкарис (Ласкирев), приехавший (видимо, юношей) в Россию в 1496 г. со своим отцом Федором.¹⁶ Дмитрий Ласкирев сделал достойную уважения придворную карьеру в Москве. Он неоднократно ездил в Европу¹⁷ (в том числе в Священную Римскую империю в 1514 г.) (ПСРЛ 2001, 397, 404; ПСРЛ 2000а, 254, 258; ПСРЛ 2000б, 17, 23; ПДС 1851, 176; *Русские акты* 1897, 6),¹⁸ а также, по-видимому, сохранил память о значимых для византийцев преданиях. Так, с его слов было записано «Сказание о чудотворном явлении Спасова образа» византийскому императору Мануилу, которое представляет собой предысторию иконы *Спас на престоле* из новгородского Софийского собора (Кириллин 2005, 119).

Как видим, греки «второго поколения» сыграли определенную роль в ознакомлении русских с текстами, значимыми для восточно-христианской традиции. В эпоху становления идеологии Московского государства и сопровождавшей его рефлексии о месте России в мире после падения Византии эти сведения, тексты и содержащиеся в них настроения (в том числе религиозные) играли важную роль.

Кажется необходимым подчеркнуть, что далеко не всех греков (и первого, и второго поколения) стоит «автоматически» причислять к проводникам гуманистической культуры в России. Если некоторые греки были действительно относительно близки к Софье, и результаты их работы отражают в той или иной степени гуманистический след, то значение деятельности других известных по именам греков в этом отношении не стоит преувеличивать. Мы знаем их как верных слуг Ивана III и/или выдающихся в своем роде личностей, но не видим никаких свидетельств их вовлеченности в культуру Возрождения. Чаще всего греки второго поколения становились частью русской служилой аристократии, ассоциировали себя

¹⁶ Иногда исследователи упоминают о том, что Федор Ласкарь с сыном Дмитрием прибыл из Венгрии (Брюсова, и Щапов 1971, 92, прим. 41) в 1496 г. от двора Матяша Корвина, однако это ошибка: король Матяш Корвин умер в 1490 г. С. Каштанов предполагает, что они сначала служили Матяшу Корвину, но потом перебрались в Литву, откуда и приехали в Москву (Каштанов 2020, 50, прим. 32). Некоторые летописи содержат сведения, что Федор и Дмитрий прибыли «из Царяграда» (ПСРЛ 2000б, 241; ПСРЛ 1921, 241; ПСРЛ 1959, 289). Вероятно, такие сведения так или иначе связаны с упомянутом в генеалогии Ласкиревых фактом, что «Федор Дмитриев сын был тысяцкого Царегородского» (ВОИДР 1851, 121).

¹⁷ Вологодско-Пермская летопись ошибочно сообщает, что в 1504 г. Дмитрий Ласкирев вместе Митрофаном Карачаровым вернулись из Италии (ПСРЛ 1959, 296). На самом деле, речь шла о Дмитрии Ралеве («Лареве»).

¹⁸ Нередко исследователи совершают ошибку, называя Дмитрия Ласкирева послом в Данию. В Данию в 1514 г. отправились Иван Микулин Заболоцкий и Василий Александров, и в документах посольства упомянуто посольство в Империю в 1514 г., которыми руководили Дмитрий Ласкирев и Елизар Суков.

с русской культурой, разделяя его традиции, ценности и идеалы. В этом отношении весьма любопытны наблюдения Л. Мошковой, которая заметила, что даже почерки греков второго поколения уже не обнаруживают привычки к греческому письму (Мошкова 2018).

Весьма показательным представляется пример семьи Ангеловых. Если Мануил Ангелов дважды ездил в Италию (в 1483-1484 и 1493-1494 гг.), то его сын Микула¹⁹ «во Фрязахъ» не был ни разу; неизвестны и какие бы то ни было его инициативы, которые можно было бы хоть как-то интерпретировать как связанные (хотя бы косвенно) с ренессансной традицией и ее рецепцией. Он верой и правдой служил «государю всея Руси» (в том числе ездил в 1487 г. к Пермскому епископу Филофею в затерянную среди зырянских лесов Усть-Вымь (Матасова 2024), позже участвовал во многих придворных церемониях и государевых выездах, а с 1510 г. он имел титул «печатника» Василия III (РК 1966, 44; Корзинин 2023, 484-86). За свою службу Микула получил во владение подмосковное село Ангелово (Веселовский 2008, 66-7). Впрочем, несомненно, что он был образованным человеком, и свои познания он передал своему сыну Адриану (Андрияну), который впоследствии стал известным книжником и келарем Троицкой обители (Кучкин 2004). Примечательно, что в деятельности Андряна Ангелова следов знакомства с гуманистическими исканиями и тенденциями (и тем более их развития) также пока не замечено (Веретенников 2000).

Такое встраивание в русскую культуру с ее ценностями ближайших потомков греков, которые были в свое время так или иначе вовлечены в общение с миром итальянского Возрождения, было, как кажется, вполне закономерно. Их родители не стремились «познакомить русских с Возрождением и сохранить эту традицию как можно дольше» (как им нередко это приписывают). Прибывшие в Москву в последней трети XV в. греки ставили цель гораздо более приземленную, и она состояла в том, чтобы найти в России новую родину, стать частью местной служилой аристократии (состояться в социальном смысле), возлагая одновременно на эту родину в будущем надежды по «спасению Византии».

Подобная картина не уникальна. Потомки греческих эмигрантов в Англии (Harris 2002) и Ливонии также довольно скоро стали частью местных сообществ. Это отличает их от греков Венеции, где сложилась мощная греческая община, сохранявшая память о своем происхождении, культуру и традиции и существовавшая на протяжении многих веков. Символом этой национальной стойкости и самобытности в сложных условиях своего времени стала знаменитая венецианская церковь Сан Джорджо деи Греци, построенная на деньги, завещанные общине Анной Нотарой.

Отсутствие устойчивой и развитой преемственности в России сыграло свою роль в том, что к концу 1510-х гг. России снова потребовался грек-ин-

¹⁹ Нередко Микула воспринимается братом Мануила, но это не так (Корзинин 2023, 483-84).

теллектуал, который бы владел греческим языком и взял бы на себя важнейшую миссию по переводу Толковой Псалтири. Эту задачу, как известно, выполнит инок афонского монастыря Ватопед Максим (Синицына 1977, Гардзанити 2019, 2021). Одновременно стоит подчеркнуть, что столь плодотворная работа Максима Грека в России оказалась возможна не только благодаря его личным качествам и необычайной широте кругозора, но и благодаря длительной традиции взаимодействия с греческим миром, существовавшей к тому времени в России (Garzaniti 2024).

7. Путь прп. Кассиана Грека († 1504)

Особым своеобразием отличалась судьба в России Константина Мангупского, по заслуживающему доверия преданию прибывшего в Москву в окружении Софьи Палеолог в 1472 г. Он не принимал участия в социально-политической жизни, по-видимому, вообще не состоял на службе у князя (*Жития* 2008, 120-121) и в конечном счете принял монашеский постриг с именем Кассиан в Ферапонтовом монастыре. На рубеже 1470-х–1480-х гг. он по неясным причинам покинул берег Ферапонтовского озера и основал под Угличем (в уделе князя Андрея Большого, при впадении р. Учемки в Волгу) пустынь, освятив церковь в память св. Иоанна Предтечи (Голейзовский 2002). И. Концевич справедливо включил его в число тех, кто развивал традиции прп. Сергия Радонежского (Концевич 2009, 167). Местное почитание этого праведника началось сразу после его преставления (в 1504 г.), а полноценная канонизация состоялась в 1629 г. (Матасова 2022б). Рассказ о его подвигах и служении был включен в печатный Пролог 1662 г. (Матасова 2020в). Со временем Кассианова Учемская пустынь стала значимым духовным центром не только Угличской округи, но всей Европейской России (Матасова 2022а). В русской традиции путь Константина-Кассиана традиционно и справедливо воспринимается как пример того, что греки порой уже в первом поколении полностью переходили под влияние русской культуры и действовали в духе ее возвышенных аскетических идеалов и устремлений. Тем не менее, вероятно, что в его выборе важную роль сыграло и знакомство с традициями византийского исихазма, стремление вернуться к истокам древнего монашества.

8. Заключение

Итак, довольно серьезное знакомство интеллектуалов и придворных Московской Руси с внешними проявлениями ренессансной культуры (подчас – с оттенком отторжения) едва ли связано только с личным придворным влиянием Софьи, которое не стоит ни преувеличивать.²⁰ Пред-

²⁰ Хотя именно с ним стоит связывать в конечном счете победу князя Василия Ивановича в династической борьбе рубежа XV-XVI вв.

ставляется, что состоявшийся на рубеже XV-XVI вв. диалог двух культур – при всем его своеобразии, своего рода фрагментарности – осуществляли некоторые приехавшие с Софьей греки. Примечательно, что речь идет преимущественно о греках-эмигрантах первого поколения, владевших несколькими языками. Отдельные представители второго поколения (например, Юрий Дмитриевич или Мануил Дмитриевич Траханиоты, до известной степени Дмитрий Ласкирев) продолжали эту традицию, но чаще дети приехавших греков в меньшей степени интересовались переводами (и систематическим изучением языков) и вообще книжной культурой, тогда как именно этот интерес являлся ключевым элементом ренессансной учености.

Тем не менее, русско-итальянские связи эпохи Ивана III – мужа Софьи Палеолог – и Василия III – сына Софьи Палеолог (или как его называет Максим Грек и позже Антонио Поссевино – «Василия Иоанновича Палеолога» (Максим Грек 2008, 119; Поссевино 1983, 216)) – неизменно отличало вовсе не априорное неприятие латинского мира, а пристальное внимание ко многим внешним проявлениям Ренессанса. В то же время интенсивный диалог с Западом не помешал России сохранять и развивать собственные ценности.

Список использованной литературы

Источники

- Акты Ревельского архива* 1897: “Неизданные русские акты XV-XVI вв. Ревельского городского архива. Публикация А. Чумикова”. *Чтения в Обществе истории и древностей российских.* 2: Смесь. 1-10. Москва.
- АСЭИ 1964: *Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–начала XVI вв.* Издание Льва В. Черепнина. Т. 3. Москва: Издательство АН СССР.
- Виссарион 1987: “Виссарион. Письма VI-VIII (PG CLXI Migne)”. Публикация Юрия А. Шичалина. В *Ренессанс: Образ и место Возрождения в истории культуры.* 69-79. Москва: Институт философии АН СССР.
- ВОИДР 1851: *Временник Московского общества истории и древностей российских.* Т. 10. Москва.
- ДРВ 1790: *Древняя российская вивлиофика.* Т. 13. Москва.
- Жития* 2008: *Жития Игнатия Вологодского, Игнатия Ломского, Герасима Вологодского и Кассиана Угличского.* Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ.
- ЛЛС 2014: *Лицевой летописный свод XVI века.* Т. 15. Москва: Герман Стерлигов.
- Максим Грек 2008: *Преподобный Максим Грек. Сочинения.* Публикация Нины В. Синицыной. Т. 1. Москва: Индрик.

- ПДС 1851: *Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными*. Т. 1. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии.
- Поссевино, Антонио. 1983: *Исторические сочинения о России XVI в.* Публикация Ольги В. Годовиковой. Москва: Издательство Московского университета.
- ПСРА 1913: *Полное собрание русских летописей*. Т. 21. 2. Санкт-Петербург: Типография М.А. Александрова.
- ПСРА 1921: *Полное собрание русских летописей*. Т. 24. Петроград: 2-я Государственная типография.
- ПСРА 1959: *Полное собрание русских летописей*. Т. 26. Москва-Ленинград: Издательство АН СССР.
- ПСРА 2000а: *Полное собрание русских летописей*. Т. 8. Москва: Языки русской культуры.
- ПСРА 2000б: *Полное собрание русских летописей*. Т. 12. Москва: Языки русской культуры.
- ПСРА 2001: *Полное собрание русских летописей*. Т. 6:2. Москва: Языки русской культуры.
- ПСРА 2004: *Полное собрание русских летописей*. Т. 25. Москва: Языки славянской культуры.
- РК 1966: *Разрядная книга 1475-1598 гг.* Публикация Владимира И. Буганова. Москва: Наука.
- Русские акты 1897.* *Русские акты Копенгагенского государственного архива.* Публикация Юрия Н. Щербачева. Санкт-Петербург.
- СИРИО 1882: *Сборник Императорского Российского Исторического общества*. Т. 35. Санкт-Петербург: Типография Ф. Елеонского и Ко.
- Сфрандзи 1987: Сфрандзи, Георгий. 1987. "Хроника. Перевод Елены Д. Джагацпанян". *Кавказ и Византия* 5: 156-240.
- Ghirardacci 1912: Ghirardacci, Cherubino. 1912. *Della historia di Bologna*. Vol. 3. Bologna-Città di Castello: Tipi della Casa editrice S. Lapi.
- LUB 2019: *Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch*. Vol. 14. Köln-Weimar-Wien: Böhlau Verlag.
- Malipiero 1843: Malipiero, Domenico. 1843. "Annali Veneti dall'anno 1457 al 1500." *Archivio storico italiano*. 7, 1.
- Pulci 1886: Pulci, Luigi. 1886. *Lettere di Luigi Pulci a Lorenzo il Magnifico e ad altri*. Lucca: Tipografia Giusti.

Исследования

- Агоштон, Магдолна. 2005. *Великокняжеская печать 1497 г.: к истории формирования русской государственной символики*. Москва: Древлехранилище.
- Амосов, Александр А. 1998. *Лицевой летописный свод Ивана Грозного*. Москва: Эдиториал УРСС.

- Брюсова, Вера Г. 1974. “Тверской епископ грек Нил и его Послание князю Георгию Ивановичу.” *Труды Отдела древнерусской литературы* 28: 180-87.
- Брюсова, Вера Г., и Ярослав Н. Щапов. 1971. “Новгородская легенда о Мануиле, царе греческом.” *Византийский временник* 32: 85-103.
- Буланин, Дмитрий М. 1989. “Траханиот Юрий Дмитриевич.” В *Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV-XVI вв.* Т. 2, 437-38. Ленинград: Наука.
- Веселовский, Степан Б. 2008. “Подмосковье в древности. Названия, связанные с выходцами из южных стран.” В *Московское государство XV-XVII вв. Из научного наследия.* 60-9. Москва: АИРО-XXI.
- Веретенников, Макарий, архим. 2000. “Адриан Ангелов”. В *Православная энциклопедия.* Т. 1, 314-15. Москва: ИЦ Православная энциклопедия.
- Гардзанити, Марчелло. 2019. “Прибытие Максима Грека в Москву (1518) и международная дипломатическая обстановка.” В *У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях: юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко, 57-72.* Москва: ИЦ ИРИ РАН, Центр гуманитарных инициатив.
- Гардзанити, Марчелло. 2021. “«Стязание о известном иночьскомъ жительствоѣ» Максима Грека. Структура произведения и его цель.” *Древняя Русь: Вопросы медиевистики* 1: 161-70.
- Голейзовский, Никита К. 2002. “Начало деятельности Кассиана Учемского по письменным источникам.” *Древняя Русь: Вопросы медиевистики* 4: 20-7.
- Гуковский, Матвей А. 1963. “Сообщение о России Московского посла в Милан (1486).” В *Вопросы историографии и источниковедения истории СССР, 648-55.* Москва-Ленинград: Издательство АН СССР.
- Данилова, Ирина Е. 2000. *Итальянский город XV века: Реальность, миф, образ.* Москва: ИЦ РГГУ.
- Казакова, Наталия А. 1970. “Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор».” *Труды отдела древнерусской литературы* 25: 60-72.
- Казакова, Наталия А. 1974. “Грамота Ивана III к папе Александру VI.” *Археографический ежегодник за 1973 г., 26-8.* Москва: Наука.
- Каштанов, Сергей М. 2020. “Возвращение Обрюты.” *Сообщения Ростовского музея* 25: 42-72.
- Карамзин, Николай М. 1991. *Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях.* Москва: Наука.
- Карамзин, Николай М. 1819. *История государства Российского.* Т. 6. Санкт-Петербург.
- Кириллин, Владимир М. 2005. “Предание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия»: текстологическое и историко-литературное исследование.” *Герменевтика древнерусской литературы* 12: 13-185.
- Концевич, Иван М. 2009. *Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси.* Москва: Никея.
- Конявская, Елена Л. 2020. “Данные о русских княгинях в княжеских завещаниях и договорных грамотах XIV–начала XVI в.” *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* 3: 180-84.
- Конявская, Елена Л. 2021. “Древнерусские княгини XI-XIII вв.: их владения и роль в политической и церковной жизни.” *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* 3: 7-15.
- Корзинин, Александр Л. 2020. “Двор великой княгини Марии Ярославны.” *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. История* 1: 19-48.

- Корзинин, Александр Л., ред. 2023. *Русские княгини и их дворы в XI-XVI вв.* Санкт-Петербург: Наука.
- Крылова, Юлия П. 2014. *Автор и общество в позднесредневековой Франции: «Книга поучений дочерям» Жоффруа де Ла Тура Ландри.* Москва: Индрик.
- Кучкин, Владимир А. 1999. “Великокняжеская печать с двуглавым орлом грамоты 1497 г.” *Вопросы истории* 4-5: 24-39.
- Кучкин, Владимир А. 2004. “Завещание С.Д. Пешкова-Сабурова и Евангелие Андрияна Ангелова.” *Труды Отдела древнерусской литературы* 55: 139-45.
- Матасова, Татьяна А. 2012а. “Европейский север и северо-восток в представлениях русских и итальянцев в XIV–начале XVI вв.” *Средневековая Русь* 10: 332-67.
- Матасова, Татьяна А. 2012б. *Русско-итальянские отношения в политике и культуре Московской Руси середины XV–первой трети XVI в.* Дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- Матасова, Татьяна А. 2013. “Русские посланники в Венеции на рубеже XV-XVI столетий (по известиям Марино Сануто).” *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* 2: 64-74.
- Матасова, Татьяна А. 2016а. “Античный географический трактат в Московской Руси: Первая книга «Географии» Помпония Мелы в древнерусском переводе.” *Средневековая Русь* 12: 283-348
- Матасова, Татьяна А. 2016б. *Софья Палеолог.* Москва: Молодая гвардия.
- Матасова, Татьяна А. 2018. “Нил Грек (Траханиот), еп. Тверской.” В *Православная энциклопедия*. Т. 51, 164-66. Москва: ИЦ Православная энциклопедия.
- Матасова, Татьяна А. 2020а. “Влияние или молчание? Еще раз о роли Софьи Палеолог при дворе Ивана III и степени ее участия в привлечении итальянских мастеров в Москву.” *Исторический вестник* 33: 298-315.
- Матасова Татьяна А. 2020б. “Миланский список московской грамоты 1493 г.: автограф грека из окружения Софьи Палеолог.” *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* 2: 5-13.
- Матасова, Татьяна А. 2020в. “Прп. Кассиан Учемский - грек из окружения Софьи Палеолог и чудотворец «от Итталийския страны»: К истории церковного почитания святого в XVI-XIX вв.” В *История и культура Ростовской земли. Материалы XXIX научной конференции*, 43-52. Ростов: ГМЗ Ростовский кремль.
- Матасова, Татьяна А. 2020г. “Русские посланники в Орвието зимой 1528 г., или Почему в России закончилось «столетие итальянских влияний?»” В *«Востанет цесарь в опустевшей земле»: люди, время и пространство русской истории. К 70-летию профессора Н.С. Борисова*. 252-63. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Матасова, Татьяна А. 2021а. “Латинский перевод грамоты Ивана III 1493 года в Милане и Флоренции.” *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* 2: 41-51.
- Матасова, Татьяна А. 2021б. “Эпидемия чумы 1460-х гг. в судьбе Софьи Палеолог.” *Вестник Университета Дмитрия Пожарского* 1: 70-84.
- Матасова, Татьяна А. 2022а. “Монастырь и мир: Кассианова Учемская пустынь во времена Петра Великого (исследование материалов рукописи из Собрания Н.С. Тихонравова № 234).” *Источники по истории русского средневековья*. Т. 1, 219-92. Москва: ИЦ ИРИ РАН.
- Матасова, Татьяна А. 2022б. “Прп. Кассиан Учемский – грек из окружения Софьи Палеолог и его канонизация при Михаиле Романове: доверие духовным авторитетам.” *Управленческое консультирование* 2: 153-64.

- Матасова, Татьяна А. 2023а. “Были ли «дворы» у Софьи Палеолог?” В *Русские княгини и их дворы в XI–XVI веках*, отв. ред. Александр Л. Корзинин, 262–82. Москва–Санкт-Петербург: Наука.
- Матасова, Татьяна А. 2023б. “Образ Софьи Палеолог в памятниках XVI века.” *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* 2: 105–18.
- Матасова, Татьяна А. 2024. “Епископ Пермский Филофей и московские греки в последней четверти XV – начале XVI в.” В *Четвертые Мяндинские чтения. Сборник материалов*, 252–66. Сыктывкар: Издательство СГУ имени Питирима Сорокина.
- Матасова, Татьяна А., и Григорий М. Воробьев, 2016. “Новый документ по истории связей греческого мира и России последней четверти XV в.” *Византийский временник* 100: 256–70.
- Морозов, Валентин В. 2005. *Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI в.* Москва: Индрик.
- Мошкова, Людмила В. 2018. “Почерки «второго и третьего поколения»”. В *Палеография, кодикология, дипломатика: Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов. Материалы Международной научной конференции в честь 80-летия доктора исторических наук, члена-корреспондента Афинской Академии Бориса Львовича Фонкича*. Москва, 27–28 февраля 2018 г., 152–60. Москва: Издательство ИВИ РАН.
- Никольский, Николай К. 1909. “Материалы для истории древнерусской духовной письменности”. *Христианское чтение* 8–9: 1115–1119.
- Острогорский, Георгий А. 2011. *История Византийского государства*. Москва.
- Пирлинг, Павел. 1892. *Россия и Восток. Царское бракосочетание в Ватикане. Иван III и Софья Палеолог*. Санкт-Петербург: Издательство М. А. Суворина.
- Плигузов, Андрей. И. 1993. *Текст-кентавр о сибирских самоедах*. Москва: Археологический центр.
- Плигузов, Андрей И., и Иван А. Тихонюк. 1988. “Послание Дмитрия Траханиота Новгородскому архиепископу Геннадию Гонозову о седмеричности счисления лет”. В *Естественнонаучные представления Древней Руси*, 71–5. Москва: Наука.
- Плюханова, Мария Б. 2010. “«Послание на Угру» и вопрос о происхождении московской имперской идеологии”. *Труды Отдела древнерусской литературы* 61: 452–88.
- Плюханова, Мария Б. 2011. “Проповедь на Торжество Православия и сочинение «Об обидах церкви»: к вопросу об эkkлeзиологических основах учения о Третьем Риме”. В *Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации*. Т. 2, 549–64. Санкт-Петербург: Пушкинский дом.
- Плюханова, Мария Б. 2013. “Роль греко-итальянских униатов в становлении религиозных и политических идей на Руси конца XV–начала XVI в.” В “Друг – зеркало для друга...”: *Российско-итальянские общественные и культурные связи, X–XX вв.*, 19–45. Москва: ИЦ ИРИ РАН.
- Плюханова, Мария Б. 2014. “«Многосложное послание/свиток» как лаборатория идей”. *Труды Отдела древнерусской литературы* 62: 343–74.
- Полехов, Сергей В. 2021. “Как короновать великого князя? Из истории «коронационной бури» (1429–1430) и инсигний, предназначавшихся для Витовта”. *Istorijos šaltinių tyrimai* 7: 9–74.
- Поляковская, Маргарита А. 2011. *Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «театр власти»*. Екатеринбург: Издательство УрГУ.

- Пушкин, Александр С. 1978. "Карамзин". В *Полное собрание сочинений в 10 томах*. Т. 8. Ленинград: ГИХЛ.
- Пчелов, Евгений В. 2024. *Итальянский Ренессанс у истоков государственной символики Московского царства*. Москва: Старая Басманная.
- Ржига, Вячеслав Ф. 1928. "Новый вариант сказания о Лоте". *Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук* 1: 2.
- Ромодановская, Варвара А. 2005. "Геннадий (Гонзов)" В *Православная энциклопедия*. Т. 10: 588-98. Москва: ИЦ Православная энциклопедия.
- Рябова, Татьяна Б. 1991. "Итальянский гуманизм XV в. и проблема женского образования". В *Школа и педагогическая мысль средних веков, Возрождения и начала Нового времени, 176-89*. Москва: Наука.
- Рябова, Татьяна Б. 1999. *Женщина в истории западноевропейского средневековья*. Иваново: Юнона.
- Рябова, Татьяна Б. 2007. "Женщина в гуманизме XIV-XVI вв." В *Культура Возрождения. Энциклопедия*. Т. 1, 651-655. Москва: РОССПЭН.
- Синицына, Нина В. 1977. *Максим Грек в России*. Москва: Наука.
- Скржинская, Елена Ч. 2000. *Русь, Италия и Византия в средневековье*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Усачев, Андрей С. 2009. *Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария*. Санкт-Петербург: Альянс-Архео.
- Флоровский, Георгий В. 1937. *Пути русского богословия*. Париж: Б/и.
- Чарыков, Николай В. 1909. *Об итальянской фреске, изображающей Иоанна III и Софию Палеолог*. Санкт-Петербург: Б/и.
- Шмурло, Евгений Ф. 1937. "Рим и Москва. Начало сношений Московского государства с папским престолом. 1462-1528". *Записки Русского исторического общества в Праге* 3: 91-136.
- Ястребов, Алексей О. 2018. *Русско-венецианские дипломатические и церковные связи в эпоху Петра Великого*. Москва: Познание.
- Barbieri, Gino. 1957. *Milano e Mosca nella politica del Rinascimento*. Bari: Adriatic.
- Garzaniti, Marcello. 2003. "Il viaggio al Concilio di Firenze. La prima testimonianza di un viaggiatore russo in Occidente". *Itineraria* 2: 173-99.
- Garzaniti, Marcello. 2024. "La diaspora greca e i suoi sodali fra penisola italiana e gran principato di Mosca nelle relazioni politiche, religiose e culturali da Sofia Paleologa a Massimo il Greco." In *Cristiani orientali e Repubblica delle Lettere (XVI-XVIII sec.)*. 19-58. Firenze: Firenze University Press.
- Gibson, Joan. 1989. "Educating for Silence: Renaissance Women and the Language Arts." *Bypatia* 1: 9-27.
- Harris, Jonathan. 2002. "La comunità greca e i suoi avamposti nell'Europa settentrionale." In *I greci a Venezia: Atti del convegno internazionale di studio, Venezia, 5-7 novembre 1998*, 185-95. Venezia: Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti.
- Lenzi, Maria Ludovica. 1982. *Donne e madonne: L'educazione femminile nel primo Rinascimento*. Torino: Loescher.
- Matasova, Tatiana A. 2020. "Old Russian Translation of Cosmographia, sive De Situ Orbis by Pomponius Mela: Reception of Renaissance Culture in Muscovy (15th-17th centuries)." In *Essays on the Spread of Humanistic and Renaissance Literary Civilization in the Slavic World (15th-17th Century)*, 37-52. Firenze: Firenze University Press.

- Matter, Ann F., and John Coakley. 1994. *Creative Women in Medieval and Early Modern Italy*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Pizzagalli, Daniela. 2015. *La dama con l'ermellino: Vita e passioni di Cecilia Gallerani nella Milano di Ludovico il Moro*. Bergamo: Rizzoli.
- Sloutsky, Lana. 2019. "Moving Women and Their Moving Objects: Zoe (Sophia) Palaiologina and Anna Palaiologina Notaras as Cultural Translators." In *Moving Women Moving Objects (400-1500)*, 272-92. Leiden-Boston: Brill.
- Thyrêt, Isolda. 2001. *Between God and Tsar. Religious Symbolism and the Royal Women of Muscovite Russia*. Urbana-Champaign: Cornell University Press.
- Vespignani, Giorgio. 2017. *La memoria negata. L'Europa e Bisanzio*. Spoleto: Fondazione Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo.